

УДК 327

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.49.74>

Китайско-американско-российское соперничество и сотрудничество в Центральной Азии: сквозь оптику теории игр

Цао Хуань*

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Рассматриваются геополитические игры Китая, США и России, влияющие на региональную и мировую ситуацию в целом. Отмечается, что после окончания холодной войны Центральная Азия стала объектом внимания мировой общественности как самостоятельная геополитическая единица, а Китай, США и Россия сформулировали центральноазиатскую стратегию в соответствии со своими интересами, вследствие чего Центральная Азия стала игровым полем для геополитических игр этих держав. Изучаются две модели теории игр: «игра в охоту на оленя» и «игра стрелков», анализируется соперничество и сотрудничество Китая, США и России в Центральной Азии в безопасном, геополитическом и экономическом аспектах. Делается вывод, что в сфере геобезопасности, которая в основном связана с борьбой с терроризмом, Китай, США и Россия должны иметь высокую степень взаимного политического доверия и выбирать сотрудничество, достигая тем самым оптимума Парето в модели «охота на оленя». Подчеркивается, что с точки зрения геополитики и экономики США являются самым сильным государством и ведут стратегическое наступление на Китай и Россию, с другой стороны, более слабые Китай и Россия выбрали взаимное доверие и сотрудничество, достигнув геополитического и экономического оптимума в Центральной Азии.

Ключевые слова: «игра в охоту на оленя», «игра стрелков», Китай, США, Россия, стратегия безопасности, Центральная Азия.

Для цитирования: Цао Хуань. Китайско-американско-российское соперничество и сотрудничество в Центральной Азии: сквозь оптику теории игр // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024. Т. 49. С. 74–87. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.49.74>

Original article

Sino-American-Russian Competition and Cooperation in Central Asia: Through the Optics of Game Theory

Cao Huan*

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Abstract. Geopolitical games of great powers influence the global and regional situation. Since the end of the Cold War, Central Asia has become the focus of the world's attention as an independent geopolitical unit. China, the United States and Russia, as three important centers in the world, have

subsequently formulated the Central Asian strategy according to their interests, and Central Asia has become a playing field for great power games. Based on the literature analysis, this paper presents two game theory models, “stag hunt game” and “truel”, and analyzes the rivalry and cooperation of China, the United States and Russia in Central Asia in security, geopolitical and economic aspects respectively. The conclusions are that in the security field, which is mainly related to counter-terrorism, the three countries should have a high degree of mutual political trust and choose cooperation, thus achieving the Pareto optimum in the “stag hunt game”. In terms of geopolitics and economics, the U.S. is the strongest state and is on a strategic offensive against China and Russia. On the other hand, the weaker China and Russia have chosen mutual trust and cooperation, achieving a geopolitical and economic optimum in Central Asia.

Keywords: deer hunting game, shooters' game, China, US, Russia, Central Asia strategy.

For citation: Cao Huan. Sino-American-Russian Competition and Cooperation in Central Asia: Through the Optics of Game Theory. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2024, vol. 49, pp. 74-87. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.49.74> (in Russian)

Введение

До Октябрьской революции Центральная Азия существовала как часть Российской империи и стратегический плацдарм России в англо-русской Большой игре. После революции 1917 г. страны Центральной Азии стали республиками Советского Союза. Во время холодной войны Центральная Азия превратилась в стратегическую буферную зону Советского Союза против американского и европейского блоков. Несмотря на попытки проникновения Запада в Центральную Азию, среднеазиатские республики, находившиеся под жестким контролем советского центра, имели командно-исполнительную систему управления, жесткий централизованный план и монопольную внешнюю политику [1, с. 274], что делало эти попытки безуспешными. Иными словами, Центральная Азия не существовала как международная и геополитическая самостоятельная единица вплоть до распада Советского Союза. Только после окончания холодной войны, когда внутренние и внешние проблемы России сделали невозможным ее дальнейший контроль над Центральной Азией, в ней образовался «вакуум силы» и великие державы мира начали конкурировать за свои интересы в Центральной Азии.

Збигнев Бжезинский как-то сказал, что Китай, США и Россия – главные шахматисты на мировой арене [14, р. 41], ведущие стратегическое соперничество и сотрудничество по всему миру. Центральную Азию как внутреннюю часть Евразийского континента называют «сердцем Евразии». Поэтому спустя столетие Центральная Азия неизбежно вновь стала местом проведения Большой игры.

Многие ученые анализировали и исследовали стратегическое соперничество между Китаем, США и Россией в Центральной Азии. Китайские ученые уделяют большое внимание «новой большой игре» между Китаем, США и Россией в Центральной Азии и подробно исследуют эту тему в своих работах. Среди них Гао Фэй, профессор Университета иностранных дел (Китай), который считает, что между Китаем, США и Россией существуют как сотрудничество, так и конкуренция, и все они придают большое значение сотрудничеству в многосторонней сфере. После холодной войны национальные интересы стали решающим фактором, влияющим на международные

отношения. В том, что касается национальных интересов в Центральной Азии, Китай, США и Россия не совпадают, и их отношения друг с другом демонстрируют разную динамику [19, с. 125]. В 2021 г. США завершили вывод войск из Афганистана. Сунь Чжуанчжи, известный китайский исследователь Центральной Азии, утверждает в этой связи, что Китай, Россия и США в большей или меньшей степени имеют экономические интересы и интересы безопасности в этом регионе. После вывода войск из Афганистана различные внешние силы будут стремиться усилить свое влияние на Центральную Азию в своих собственных интересах [20, с. 6].

Русские ученые также проявляют большой интерес к стратегии и внешней политике Китая, США и России в Центральной Азии. Ряд ученых, в том числе М. Л. Титаренко, В. Я. Портяков, С. Г. Лузянин, В. Я. Воробьев, А. В. Лукин, А. Д. Воскресенский, Я. М. Бергер и другие, проанализировали китайско-российское стратегическое партнерство и взаимодействие региона на нескольких уровнях. Особое внимание уделяется сотрудничеству двух стран в области безопасности и экономики в рамках ШОС [6, с. 12]. С. Г. Лузянин утверждает, что «для России и Китая Центрально-Азиатский регион – ключевой в контексте безопасности, экономического, транспортного, энергетического сотрудничества» [7, с. 60]. И США стараются постепенно наращивать свое участие и влияние в регионе.

Кроме того, существует большое количество ученых из разных стран, которые проводят исследования Центральной Азии в своих собственных работах. Одним из ведущих ученых является Аннет Бор, исследования которой посвящены политике и международным отношениям государств Центральной Азии, а также отношениям России с Китаем.

Аннет Бор утверждает, что американское военное присутствие в Центральной Азии не только усиливает стратегическое соперничество между США и Россией, но и предоставляет странам Центральной Азии возможность максимально реализовать свои стратегические интересы и построить многоуровневую систему безопасности [13].

Пакистанский ученый Сарват Рауф утверждает, что стремление великих держав к господству в Центральной Азии приобрело новые формы и тенденции и что политика господства сегодня постепенно переходит от практики военной силы к созданию союзов [16].

Очевидно, что игра великих держав в Центральной Азии будет продолжаться, и возрастает вероятность возникновения «сильного треугольника» в Центральной Азии. Итак, актуальность работы обусловлена расширением противоречий между США, КНР и Россией в странах Центральной Азии.

Методологической основой данной статьи являются «игра в охоту на оленя» и «игра стрелков» в рамках теории игр, а методом исследования – качественное исследование на основе анализа литературы.

Цель исследования – проанализировать стратегическое соперничество и сотрудничество между Китаем, США и Россией в Центральной Азии. Для достижения этой цели предложены следующие исследовательские задачи:

1) проанализировать стратегическое сотрудничество и конкуренцию в сфере безопасности между Китаем, США и Россией в Центральной Азии в рамках модели «игра в охоту на оленя»;

2) проанализировать геополитическое и экономическое сотрудничество и конкуренцию между Китаем, США и Россией в Центральной Азии в рамках модели «игра стрелков».

Теория игр

В 1928 г. фон Нейман доказал основные принципы теории игр и с этого момента объявил об официальном рождении теории игр как аналитического метода. Изначально в теории игр рассматривались только игры с нулевой суммой и кооперативные игры. В 1950 г. Джон Форбс Нэш доказал существование точки равновесия, используя принцип неподвижной точки, что заложило прочный фундамент для обобщения теории игр. Он дал понятие равновесия Нэша и теорему о существовании равновесия в своих работах. Джон Форбс Нэш также возглавил новое направление в теории игр: игры с ненулевой суммой и некооперативные игры. Благодаря исследованиям большего числа ученых теория игр превратилась в более полную дисциплину.

По мере развития теории игр многие политологи начали применять теорию игр в области международных отношений. Хотя функционирование международных отношений и международной системы не может быть полностью понято только в аналитических рамках теории игр, ее процессы и модели часто демонстрируют схожие с теорией игр характеристики. Теория игр тесно связана с принятием решений и ведением переговоров, и использование теории игр в качестве аналитического инструмента может помочь нам повысить уровень осознания объекта изучения международных отношений.

Классические симметричные игры с ненулевой суммой, которые в настоящее время чаще всего используются при анализе международных отношений (международных соглашений, режимов, конфликтов: 1) «дилемма заключенного»; 2) «цыпленок»; 3) «охота на оленя»; 4) «страховка»; 5) «тупик» [4, с. 85]. В этой статье автор анализирует соперничество и сотрудничество между Китаем, США и Россией в Центральной Азии, используя общепринятую модель «игра в охоту на оленя» и вводя модель игры с нулевой суммой «игра стрелков», которая реже используется при изучении международных отношений.

Стратегия безопасности Китая, США, России и Центральной Азии на основе модели «игра в охоту на оленя»

«Игра в охоту на оленя», также известная как «игра в координацию» или «игра в безопасность», соответствует дилемме доверия и является игрой с ненулевой суммой. Она возникла на основе басни Руссо в его книге «Рассуждение о происхождении и основании неравенства между людьми» [15]. В этой истории два охотника каждый день ходят на охоту, причем добычей могут быть олени или кролики. Охота на оленя гораздо сложнее, чем на кролика, и чтобы добыть оленя, нужно сотрудничать, в то время как на кролика можно охотиться в одиночку, и каждый человек может поймать четырех кроликов в день. Олень гораздо крупнее кролика, и охота на кроликов по

отдельности может прокормить каждого охотника в течение четырех дней, тогда как если охотиться на оленя вместе, то он может прокормить двух человек в течение десяти дней, и процесс игры можно представить следующей матрицей:

Хантер А

		олень	кролик
Хантер В	олень	10, 10	0, 4
	кролик	4, 0	4, 4

Взглянув на матрицу, легко заметить, что для А и В оптимальным решением будет совместная охота на оленя, в результате которой они получат десять дней еды, т. е. в рассматриваемом сценарии сотрудничество максимизирует выгоду для обеих сторон, достигая тем самым оптимальности по Парето. Во-вторых, обе стороны могут получить по четыре дня, если решат не сотрудничать. Таким образом, в отличие от «дилеммы заключенного», в «игре в охоту на оленя» возникают два равновесия Нэша. Если в «игре в охоту на оленя» рациональный выбор между участниками зависит от восприятия других участников, то, когда один участник решает охотиться на оленей вместе ради взаимной выгоды, а другой участник не доверяет ему, предпочитая охотиться на кроликов в одиночку, участник, решивший сотрудничать, ничего не получит. Как отмечает Руссо в басне, «если бы речь шла об охоте на оленя, каждый из них прекрасно понимает, что должен быть верен своему посту; но если бы в пределах досягаемости одного из них оказался заяц, мы бы не сомневались, что он беззаботно отправился бы за ним, а когда он поймает зайца, то тот факт, что его товарищи не поймали дичь, не будет его волновать. что его не очень заботит» [17, р. 31].

Из этого следует, что для достижения равновесия по Нэшу каждый участник должен сделать выбор: сотрудничать или действовать в одиночку. Необходимым условием максимизации выгоды для всех сторон, т. е. охоты на оленя, является желание участников сотрудничать и уверенность в том, что другие участники также решат сотрудничать. Эта модель очень подходит для стратегии геобезопасности Китая, США и России в стратегической игре в Центральной Азии.

В первые годы независимости пяти центральноазиатских государств США не рассматривали Центральную Азию как самостоятельный регион дипломатической стратегии, но стремились вывести ее из орбиты коммунизма и Москвы, пытаясь декоммунизировать регион и внедрить в нем либеральные экономические и политические реформы [3, с. 208]. События 11 сентября 2001 г. изменили политические приоритеты США и мировой политики в целом. Американское политическое руководство рассматривало войну с терроризмом как необходимый шаг для обеспечения своей гегемонии не только на Азиатском континенте, но и в мире [12, с. 154]. За два десятилетия, прошедших с тех пор, борьба с терроризмом заняла центральное место во внешней политике США, и с этой целью реализовывалась совместная военная операция НАТО и США в Афганистане под кодовым названием «Операция “Несокрушимая свобода”». Изменилась и центральноазиатская

стратегия во внешней политике США, страны Центральной Азии были втянуты США в войну и стали логистическим пунктом США для обеспечения победы в войне в Афганистане. С другой стороны, страны Центральной Азии из-за слабости собственной экономики и сильной зависимости от внешних держав остро нуждаются во внешней экономической помощи. Кроме того, экстремистские религиозные организации и террористы представляли большую угрозу для Центральной Азии, а государства Центральной Азии не были способны самостоятельно проводить контртеррористические мероприятия. Исходя из экономических и политических соображений, центральноазиатские государства согласились на временную аренду Соединенными Штатами своих военных баз. Американские вооруженные силы также смогли войти в Центральную Азию и создать военные базы, такие как авиабаза «Манас»¹ и авиабаза «Ханабад»². Можно сказать, что в этот период в политике Соединенных Штатов в Центральной Азии приоритет отдавался борьбе с терроризмом [18, р. 2].

Россия и США имеют общие интересы в сфере борьбы с терроризмом. Некоторые ученые даже утверждают, что внезапность событий 11 сентября 2001 г. предоставила США и России возможность улучшить постепенно ухудшающиеся отношения [22, с. 58]. С одной стороны, экстремистская религиозность и терроризм угрожают безопасности России, а сговор талибов с радикальными исламскими силами в Центральной Азии представляет угрозу для южных приграничных регионов России. С другой стороны, присутствие талибов мешает геополитическому влиянию России в Центральной Азии и негативно сказывается на экономическом сотрудничестве и энергоснабжении региона. Поэтому Россия решила в определенной степени сотрудничать с США в борьбе с экстремистскими религиозными силами и терроризмом, возглавляемыми «Талибаном»³. Именно по этой причине Россия в начале XXI в. разрешила США войти в Узбекистан, Таджикистан и Киргизию в Центральной Азии.

Политическая стратегия Китая в Центральной Азии определяется восприятием китайским правительством собственных вызовов национальной безопасности: для Китая мирное развитие пяти центральноазиатских республик в постсоветскую эпоху напрямую связано с вопросом стабильности в северо-западных приграничных районах Китая [8, с. 103]. После событий 11 сентября борьба с тройной угрозой стала ключевым направлением сотрудничества между Китаем, Россией и странами Центральной Азии. В 2001 г. Китай, Россия и четыре страны Центральной Азии (Казахстан, Кир-

¹ Манас – в 2001–2009 гг. (по факту 2010 г.) авиабаза антитеррористической коалиции, в 2009–2014 гг. – Центр транзитных перевозок ВВС США.

² Ханабад – военный аэродром, расположенный в пос. Ханабад Кашкадарьинской области Узбекистана. После терактов 11 сентября 2001 г. и создания под эгидой США «глобальной антитеррористической коалиции» Узбекистан передал базу в пользование министерству обороны США для авиационной поддержки операций на территории Афганистана и поставок продовольствия и военного имущества американским войскам. Летом 2005 г. власти Узбекистана утвердили закон, по которому приостанавливали сотрудничество по базе.

³ Организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации.

гизия, Таджикистан и Узбекистан) создали Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС)⁴ и подписали Декларацию о создании Шанхайской организации сотрудничества⁵ и Шанхайскую конвенцию⁶, что положило начало процессу интеграции в области безопасности в рамках ШОС.

Приведенный выше анализ показывает, что США, Россия и Китай имеют общие интересы в вопросе безопасности в сфере борьбы с терроризмом и готовы сотрудничать для достижения Парето – оптимального результата (10,10) в модели «охота на оленя». Однако эта система борьбы с терроризмом не является прочной, и каждая сторона опасается, что другая сторона будет действовать в одностороннем порядке по политическим и экономическим соображениям, так что контртеррористические операции не смогут достичь оптимальной цели, а значит, не смогут получить оптимальную выгоду или не смогут получить приемлемую выгоду. Китай, США и Россия могут решить сократить свои инвестиции в борьбу с терроризмом, который представляет собой угрозу, потому что они вложили в регион слишком много средств и получили слишком малую отдачу, тем самым не сумели оптимизировать свои собственные цели в этом вопросе. Например, Россия не хотела ни полного ухода США из афганского региона и передачи всей тяжести борьбы с экстремистскими силами возглавляемой Россией организации коллективной безопасности, ни расширения влияния НАТО в регионе под флагом борьбы с терроризмом. Китай не хотел, чтобы США и Россия игнорировали ситуацию в Афганистане, тем самым угрожая стабильности северо-западной границы Китая и усиливая давление на Китай в борьбе с враждебными силами. США также не желали, чтобы Китай и Россия продолжали «пользоваться преимуществами» в рамках американской системы борьбы с терроризмом. Это противоречие заставляет все стороны иметь единую точку зрения по вопросу борьбы с терроризмом, но при этом сомневаться в усилиях друг друга в борьбе с терроризмом. В этой ситуации все стороны должны достичь стратегического взаимного доверия и быть открытыми и прозрачными в плане информации и вклада в борьбу с экстремистским религиозным движением и терроризмом, чтобы максимально удовлетворить интересы всех сторон.

Геополитические и экономические стратегии Китая, США и России в Центральной Азии в рамках модели «игра в стрелков»

«Игра стрелков», известная как дуэль трех игроков, – классическая модель в теории игр, предложенная Дж. Ф. Нэшем. В этой модели игры предполагается, что в дуэли участвуют три стрелка *A*, *B* и *C*, и из них у *A* самый высокий процент попаданий – 80 %, у *B* – 60 %, а у *C* – 40 %. В этот момент возникает проблема вероятности выживания каждого из трех дуэлянтов.

⁴ Шанхайская организация сотрудничества // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/mezdunarodnye-organizacii-i-forumy/razvitie-sos/ (дата обращения: 12.07.2024).

⁵ Декларация о создании «Шанхайской Организации Сотрудничества» // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1678030/ (дата обращения: 12.07.2024).

⁶ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/1744499/ (дата обращения: 12.07.2024).

Когда три человека стреляют одновременно, у *A* есть два врага – *B* и *C*. У *A* самый высокий процент попадания, поэтому *A* обязательно направит оружие на *B*. *A* для *B* представляет большую угрозу, поэтому *B* будет стрелять в *A*. *A* для *C* имеет самый высокий процент попадания, поэтому *C* тоже будет целиться в *A*. В этом случае, поскольку *C* – худший стрелок, до него никому нет дела, что дает ему наибольшие шансы на выживание и в конечном счете шанс победить, проявив слабость.

Однако, когда трое по очереди стреляют, поскольку *A* имеет преимущество первого, он может получить еще большее преимущество, победив одного из своих противников, что создает эффект снежного кома. В любом случае двое из игроков могут максимизировать свои преимущества, объединившись в альянс для нападения на другого игрока.

После окончания холодной войны международная ситуация кардинально изменилась: распался Советский Союз и модель биполярного противостояния перестала существовать. Россия, унаследовавшая подавляющее большинство политического наследия Советского Союза, стала новым объектом американского политического противостояния. В геополитическом плане Россия занимает доминирующее положение в Центральной Азии и имеет важные двусторонние политические, военные отношения и отношения в области безопасности со всеми странами Центральной Азии. Можно отметить, что Россия доминирует в военно-техническом сотрудничестве с этими странами и оказывает существенную помощь в подготовке сил безопасности [5, с. 127]. Таким образом, одним из основных направлений стратегии США в Центральной Азии является сжатие геостратегического пространства России. Есть ученые, считающие, что необходимость военной операции США против терроризма в Афганистане для региона Центральной Азии в большей степени является лишь предлогом, причина которого в том, что с помощью военно-технических средств борьбы, которыми обладают американские военные, можно быстро принять решение в Афганистане, но американские стратеги не делают этого, чтобы выиграть больше событий для установления и сохранения военного присутствия в Центральной Азии [21, с. 179], чтобы достичь цели усиления влияния на регион Центральной Азии направленности против России.

Для Китая и России стратегическое сжатие и военное присутствие США затрагивает их собственные геополитические интересы. Чтобы предотвратить долгосрочное военное присутствие США в Центральной Азии после событий 11 сентября 2001 г., в июле 2005 г. в столице Казахстана Астане состоялась встреча глав государств – членов ШОС, на которой они совместно выпустили Декларацию глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. Документ предполагает, что «учитывая завершение активной военной фазы антитеррористической операции в Афганистане, государства – члены Шанхайской организации сотрудничества считают необходимым, чтобы соответствующие участники антитеррористической коалиции определились с конечными сроками временного использования упомянутых объектов инфраструктуры и пребывания военных контингентов на террито-

риях стран – членов ШОС»⁷. В конце того же месяца Министерство иностранных дел Узбекистана направило в посольство США в Ташкенте ноту с требованием полного вывода американских войск с авиабазы «Ханнабад» в течение 180 дней. В 2014 г. при поддержке Китая и России американские войска были выведены с последней военной базы в Центральной Азии – авиабазы «Манас». В рамках ШОС Китай и Россия решили сотрудничать и доверять друг другу, совместно стремиться к доминированию военного сотрудничества в Центральной Азии и вытеснению американских войск из внутренних районов евразийского континента.

В 2005 г. С. Фредерик Шталь опубликовал исследование под названием «Партнерство Большой Центральной Азии для Афганистана и его соседей», в котором впервые была упомянута концепция «Большая Центральная Азия». Однако в то время правительство США не восприняло эту программу всерьез, и в 2009 г., после прихода к власти Барака Обамы, С. Фредерик Шталь выдвинул Стратегию нового Шелкового пути. Только через год после того, как стратегия была предложена, на нее обратил внимание Государственный департамент США. Будь то концепция «Большая Центральная Азия» или Стратегия нового Шелкового пути» они пытаются сделать Афганистан центром, чтобы создать тесно связанную геополитическую плиту «Центральная Азия – Южная Азия». Предполагалось, что с помощью южноазиатских союзников и партнеров США успех войны в Афганистане будет закреплён, а энергетические ресурсы Центральной Азии будут импортированы в Южную Азию. В рамках этой стратегии США возглавили строительство Трансафриканского нефтепровода (ТАПИ), соединяющего Туркменистан, Афганистан, Пакистан и Индию, и запустили проект «Энергетика Центральной Азии – Южной Азии» (CASA-1000), который призван способствовать экспорту электроэнергии из Центральной Азии в Афганистан и Пакистан. В 2015 г. США создали механизм диалога «С5+1» между странами Центральной Азии – диалоговую платформу, используемую США для продвижения своей инициативы «Большая Центральная Азия», которая на самом деле направлена на минимизацию российского влияния в регионе [10, с. 113].

По мере того как всеобъемлющая национальная мощь Китая росла, происходило быстрое экономическое развитие и в 2010 г. он обогнал Японию и стал второй по величине экономикой мира, США стали рассматривать Китай как своего конкурента номер один, не считая России. В Стратегии национальной безопасности правительства США до 2022 года Россия названа большой угрозой существующему международному порядку, а Китай – «единственным конкурентом, который намерен перестроить международный порядок». И Вашингтон считает Китай более способным достичь этой цели в будущем в экономическом, дипломатическом, военном и технологическом плане⁸. Перед США стоит задача предотвратить дальнейшее усиление Китая

⁷ Декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (от 5 июля 2005 года) // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17532/10?mode=tekst> (дата обращения: 27.11.2023).

⁸ National security strategy // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 27.11.2023).

в регионе в качестве близкого соседа Центральной Азии с его растущим значением и множеством планов по взаимной торговле и инвестициям [5, с. 128].

Одним из основных аспектов политики США в Центральной Азии является содействие распространению ценностей «демократии и прав человека». Продвижение демократии и прав человека служит геополитической стратегии США, а продвижение демократического дискурса – не только дань традиции, но и инструмент американской политики в регионе. Этот инструмент несколько устарел, но по-прежнему эффективен [2, с. 73]. США выделяют финансовые гранты для поддержки деятельности неправительственных организаций в странах Центральной Азии; учреждают стипендиальные программы для финансирования обучения молодых людей из региона в США, которые впоследствии возвращаются в свои страны, чтобы сотрудничать в продвижении американской политики и ценностей. Таким образом, США вмешиваются во внутренние дела суверенных государств Центральной Азии [11, с. 455], но их главная цель – управлять всеми политическими и экономическими процессами в регионе без вмешательства других внешнеполитических игроков (Китая и России) и институтов, возглавляемых этими игроками. Администрация Буша, например, сместила акцент своей внешней политики на демократизацию Центральной Азии по западному образцу и сдерживание России и Китая [9, с. 140].

Центральная Азия всегда рассматривалась Россией как ее традиционная сфера влияния. После распада СССР Россия проводит активную внешнюю политику, стремясь восстановить свое влияние в Центральной Азии, укрепить и упрочить доминирующее положение России в регионе, чтобы занять выгодную позицию в великодержавной игре в Центральной Азии. В условиях яростного геополитического давления со стороны США Россия использует свои традиционные политические и культурные связи и геополитическое преимущество со странами Центральной Азии для активного развития сотрудничества с ними. В военной сфере Россия активно содействовала созданию Организации Договора о коллективной безопасности на основе Договора о коллективной безопасности СНГ 1992 г.; в экономической сфере Россия возглавила создание Евразийского экономического союза в 2015 г. Союз является для России инструментом экономической интеграции с основными странами постсоветского региона и способствует дальнейшему укреплению ее собственных экономических и политических позиций в Центральной Азии. В области прав человека и демократии, продвигаемых Соединенными Штатами, Россия решительно выступает против цветных революций в странах Центральной Азии, поддерживает меры и политику, проводимую правительствами стран Центральной Азии для предотвращения цветных революций, а также укрепляет взаимное политическое доверие и дальнейшую консолидацию отношений со странами Центральной Азии.

Как уже упоминалось выше, стратегическое значение Китая для Центральной Азии заключается в борьбе с экстремистской религиозностью, терроризмом и сепаратизмом, в поддержании стабильности в северо-западном приграничном регионе Китая. Поскольку китайская экономика растет быст-

рыми темпами, ей требуется большое количество энергетических и минеральных ресурсов для поддержания своего развития, и богатые энергетические запасы Каспийско-Центрально-Азиатского региона открывают перед Китаем новые возможности. Китай обладает полной промышленной цепочкой и одной из самых развитых отраслей обрабатывающей промышленности в мире, и его продукция остро нуждается в новых экспортных рынках. По данным ООН 2020 г., население Центральной Азии составляет более 74,5 млн человек, что составляет около 1 % населения мира и занимает 5-е место среди азиатских субрегионов⁹. Для Китая Центральная Азия – это огромный экспортный рынок для его продукции. Центральная Азия расположена в евразийской глубинке и является мостом между евразийским континентом. В 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативу «Экономического пояса Шелкового пути»¹⁰, выступая в Назарбаевском университете в Казахстане, а в конце того же года официально дал старт строительству «Экономического пояса Шелкового пути». Строительство «Экономического пояса Шелкового пути» было официально запущено в конце того же года. В рамках проекта Китай и страны Центральной Азии осуществляют обмены и сотрудничество в различных областях, таких как транспорт, энергетика, коммуникации, культура и т. д. В 2022 г. объем торговли между Китаем и пятью странами Центральной Азии достиг рекордно высокого уровня в 70,2 млрд долл., а за первые два месяца 2023 г. объем торговли между Китаем и пятью странами Центральной Азии вырос на 22 % по сравнению с предыдущим годом, что является сильным импульсом развития¹¹. Кроме того, важнейшей стратегической целью Китая является ограничение возможностей западных держав (в основном США) по завоеванию и расширению военно-стратегических позиций в Центральной Азии [1, с. 278].

США как сильнейший «стрелок» в центральноазиатской «игре трех игроков», выбрав сотрудничество с одной из стран – Россией или Китаем, может добиться значительных успехов на центральноазиатском игровом поле. Однако США, для которых Китай и Россия являются стратегическими конкурентами, в Центральной Азии занимают стратегически наступательную позицию, пытаясь сдерживать Россию и Китай на геополитическом и экономическом пространстве региона. Особенно после начала российско-украинского конфликта отношения между США и Россией стремительно ухудшались и однажды дошли до состояния сабельной перепалки. А в последние годы в рамках Азиатско-Тихоокеанской стратегии США противостояние с Китаем стало главной темой американской внешней политики, а американо-китайский торговый спор длится уже пять лет, и отношения меж-

⁹ Население Центральной Азии растет. А вместе с ним бедность и социальные проблемы // Asia-plus. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20210729/kak-uluchshit-chelovecheskii-kapital-v-stranah-tsentralno-azii> (дата обращения: 28.11.2023).

¹⁰ Выступление Си Цзиньпина в Назарбаевском университете в Казахстане // Официальный сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики (на китайском). URL: https://www.gov.cn/ldhd/2013-09/08/content_2483565.htm (дата обращения: 13.07.2024).

¹¹ Экономическое и торговое сотрудничество между Китаем и пятью странами Центральной Азии активно развивается // Официальный сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики (на кит.). URL : https://www.gov.cn/yaowen/2023-04/19/content_5752129.htm (дата обращения: 28.11.2023).

ду двумя сторонами продолжают обостряться. В этом случае возможность сотрудничества между Китаем и США по вопросу Центральной Азии также минимальна.

Китай и Россия как два более слабых «стрелка» решили повысить прозрачность политики, политическое взаимодействие и активное сотрудничество в Центральной Азии, чтобы противостоять стратегическому натиску и вторжению США в регион. Как видно, в геополитическом аспекте Китай и Россия активно сотрудничают в рамках ШОС, чтобы совместно уравновесить влияние США в регионе. Что касается экономики, то Россия не отвергла инициативу Китая «Экономический пояс Шелкового пути», несмотря на слабое экономическое развитие и неспособность эффективно руководить экономическим развитием в рамках альянса. Поэтому в последние годы Китай и Россия продвигают сопряжение возглавляемого Россией Евразийского экономического союза и проекта «Экономический пояс Шелкового пути»¹².

Список литературы

1. Акказиева Г. И. Факторы эволюции геополитического положения стран Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 4 (19). С. 274–279. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-4-19-274-279>
2. Аубакир А. Глобальные акторы в Центральной Азии: Большая игра или Большая выгода? // Государственное управление и государственная служба. 2020. № 3 (74). С. 68–76. <https://doi.org/10.52123/1994-370-2020-74-3-67-75>
3. Ахмедов Ф. А. «Большая Игра» XXI Века или геополитические игры мировых держав в Центральной Азии // Известия Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. 2018. № 4. С. 201–210.
4. Дегтерев Д. А., Дегтерев А. Х. Теория игр и международные отношения // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 2. С. 79–89. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2011-2-79-89>
5. Кокошин А. А., Кокошина З. А. Об основных направлениях внешнеполитической стратегии США в Центральной Азии // Современная Европа. 2022. № 6. С. 126–139.
6. Лузянин С. Г. Введение. Значение Центральной Азии и ШОС: экспертный дискурс // Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России / отв. ред.-сост. Ю. В. Морозов. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 6–27.
7. Лузянин С. Г. Россия – США – Китай: борьба за «Большую Евразию» // Обозреватель – Observer. 2020. № 11(370). С. 51–63.
8. Мальшиева Д. Постсоветские Государства Центральной Азии в Политике Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 5(63). С. 101–108.
9. Николаев С. Центральная Азия в геополитических планах США // Россия и мусульманский мир. 2012. № 8. С. 125–140.
10. Опарин В. И. Политика США в Центрально-Азиатском регионе в контексте национальных интересов России // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 4 (79). С. 106–125.
11. Пономарев В. А. Об основных направлениях политики США в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 4(7). С. 445–459. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-445-459>
12. Сироҷиддин С. Новая Большая игра в Центральной Азии: конфликты и интересы России, Китая и США // Известия Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистан. 2020. № 3. С. 150–156.

¹² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 13.07.2024).

13. Bohr A. Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order // *International Affairs*. 2004. Vol. 80, N 3 (80). P. 485–502.
14. Brzezinski Z. *The Grand Chessboard: American Primacy And Its Geostrategic Imperatives*. New York : Basic Books, 2016. 229 p. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-4-19-274-279>
15. Rousseau Jean-Jacques. A discourse upon the origin and foundation of the inequality among mankind. London : R. and J. Dodsley, 1761. 260 p.
16. Sarwat Rauf. Changing Geopolitical Dynamics in Central Asia: Causes and Effects // *Strategic Studies*. 2017. N 4 (37). P. 149–165.
17. Skyrms B. The Stag Hunt // *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 2001. N 2 (75). P. 31–41. <https://doi.org/10.2307/3218711>
18. Wishnick E. Growing U.S. Security Interests in Central Asia. Report of Strategic Studies Institute, US Army War College, 2002. 56 p. <http://www.jstor.org/stable/resrep11890>
19. 高飞. 中亚博弈: 冷战后的中美俄关系 // [J]. *外交评论(外交学院学报)*. 2010. Vol. 27, N 02. P. 112–126. (Гао Ф. Игра в Центральной Азии: китайско-американско-российские отношения после холодной войны // *Дипломатическое обозрение*. 2011. № 2. С. 112–126).
20. 孙壮志. 阿富汗变局后的中亚安全: 大国博弈与地区合作 // [J]. *俄罗斯东欧中亚研究*. 2022. Vol. 01. P. 1–16, 154. (Сунь Ж. Безопасность в Центральной Азии после перемен в Афганистане: игры великих держав и региональное сотрудничество // *Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии*. 2020. № 1. С. 1–16, 154).
21. 许涛. 中亚地缘政治沿革: 历史、现状与未来. 北京: 时事出版社, 2016年, 486页. (Сюй Т. Геополитическая эволюция Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. Пекин : Изд-во актуальных проблем, 2015. 486 с.).
22. 肖斌. 美国的中亚政策: 基于猎鹿博弈视角的分析 // [J]. *俄罗斯学刊*. 2021. Vol. 11, N 03. P. 47–66. (Сяо Б. Политика США в Центральной Азии: анализ на основе перспективы игры в охоту на оленей // *Академический журнал по изучению России*. 2021. № 3(11). С. 47–66).

References

1. Akkazieva G.I. Faktoryi evolyutsii geopoliticheskogo polozeniya stran TSentralnoy Azii [The Factors of the Evolution of the Central Asian Countries' Geopolitical Position]. *MGIMO Review of International Relations*, 2011, no. 4(19), pp. 274-279. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-4-19-274-279> (in Russian)
2. Aubakir A. Globalnye aktoryi v TSentralnoy Azii: Bolshaya igra ili Bolshaya vyigo-da? [Global actors in Central Asia: Great Game or Great Gain?]. *Public Administration and Civil Service*, 2020, no. 3 (74), pp. 68-76. <https://doi.org/10.52123/1994-2370-2020-74-3-67-75> (in Russian)
3. Ahmedov F. A. "Bolshaya Igra" XXI Veka ili geopoliticheskie igryi mirovyyih derjav v TSentralnoy Azii [The "Big Game" of the 21st Century or the Geopolitical Games of the World Powers in Central Asia]. *News of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bahovaddinov of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan*, 2018, no. 4, pp. 201-210. (in Russian)
4. Degterev D.A., Degterev A.H. Teoriya igr i mejdunarodnyie otnosheniya [Theory of Games and theory of International Relations]. *World Economy and International Relations*, 2011, no. 2, pp. 79-89. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2011-2-79-89> (in Russian)
5. Kokoshin A.A., Kokoshina Z.A. Ob osnovnyih napravleniyah vneshnepoliticheskoy strategii SSHA v TSentralnoy Azii [About the Main Directions of the US Foreign Policy Strategy in Central Asia]. *Contemporary Europe*, 2022, no. 6, pp. 126-139. (in Russian)
6. Luzyanin S.G. Vvedenie. Znachenie TSentralnoy Azii i SHOS: ekspertnyiy diskurs [Introduction. The Importance of Central Asia and the SCO: Expert Discourse]. *Prospects of SCO development from the point of view of Russia's national interests*. Ed. by Y.V. Morozov. Moscow, 2016, pp. 6–27. (in Russian)
7. Luzyanin S.G. Rossiya – SSHA – Kitay: borba za "Bolshuyu Evraziyu" [Russia – USA – China: The struggle for a "Greater Eurasia"]. *Observer*, 2020, no. 11 (370), pp. 51-63. (in Russian)
8. Malyisheva D. Postsovetskie Gosudarstva TSentralnoy Azii v Politike Kitaya [Post-Soviet states of Central Asia in China'S policies]. *World Economy and International Relations*, 2019, no. 5(63), pp. 101-108. (in Russian)

9. Nikolaev S. TSENtralnaya Aziya v geopoliticheskikh planah SSHA [Central Asia in US geopolitical plans]. *Russia and the Muslim world*, 2012, no. 8, pp. 125-140. (in Russian)
10. Oparin V.I. Politika SSHA v TSENtralno-Aziatskom regione v kontekste natsionalnykh interesov Rossii [The U.S. Policy toward the Central Asian Region in the Context of Russia's National Interests]. *National Strategy Issues*, 2023, no. 4 (79), pp. 106-125. (in Russian)
11. Ponomarev V.A. Ob osnovnykh napravleniyakh politiki SSHA v TSENtralnoy Azii [U.S. main policies in Central Asia]. *Post-Soviet Issues*, 2020, no. 4 (7), pp. 445-459. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-445-459> (in Russian)
12. Sirochiddin S. Novaya Bolshaya igra v TSENtralnoy Azii: konflikty i interesy Ros-sii, Kitaya i SSHA [A New Great Game in Central Asia: Conflicts and Interests of Russia, China and the USA]. *News of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bahovaddinov of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan*, 2020, no. 3, pp. 150-156. (in Russian)
13. Bohr A. Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order. *International Affairs*, 2004, no. 3 (80), pp. 485-502.
14. Brzezinski Z. *The Grand Chessboard: American Primacy And Its Geostrategic Imperatives*. New York, Basic Books, 2016. 229 p. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-4-19-274-279>
15. Rousseau Jean-Jacques. *A discourse upon the origin and foundation of the inequality among mankind*. London, R. and J. Dodsley, 1761, 260 p.
16. Sarwat Rauf. Changing Geopolitical Dynamics in Central Asia: Causes and Effects. *Strategic Studies*, 2017, no. 4 (37), pp.149-165.
17. Skyrms B. The Stag Hunt. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 2001, no. 2 (75), pp. 31-41. <https://doi.org/10.2307/3218711>
18. Wishnick E. Growing U.S. Security Interests in Central Asia. Report of Strategic Studies Institute, US Army War College, 2002, 56 p. Available at: <http://www.jstor.org/stable/resrep11890>
19. Gao Fei. Igra v TSENtralnoy Azii: kitaysko-amerikansko-rossiyskie otnosheniya posle holodnoy voyny [The Game in Central Asia: Sino-American-Russian Relations after the Cold War]. *Foreign Affairs Review*, 2011, no. 2, pp.112-126. (in Chinese)
20. Sun Zhuangzhi. Bezopasnost v TSENtralnoy Azii posle peremen v Afganistane: igry velikih derjav i regionalnoe sotrudnichestvo [Security in Central Asia after the changes in Afghanistan: Great Power Games and Regional Co-operation]. *Studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia*, 2020, no. 1, pp. 1-16, 154. (in Chinese)
21. Xu Tao. *Geopoliticheskaya evolyutsiya TSENtralnoy Azii: proshloe, nastoyashee i budushee* [Geopolitical Evolution of Central Asia: Past, Present and Future]. Beijing, Current Issues Publishing House, 2015, 486 p. (in Chinese)
22. Xiao Bin. Politika SSHA v TSENtralnoy Azii: analiz na osnove perspektivy igry v ohotu na oleny [US Central Asia Policy: An Analysis from the Perspective of the Stag Hunt Game]. *Academic Journal of Russian Studies*, 2021, no. 3 (11), pp. 47-66. (in Chinese)

Сведения об авторе**Цао Хуань**

аспирант, кафедра сравнительной политологии факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Российская Федерация, 117198,
г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
e-mail: 1042215269@pfur.ru
ORCID 0000-0001-9713-3325

Information about the author**Caо Huan**

Postgraduate, Department of Comparative Politics, Faculty of Humanities and Social Sciences Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklay st., Moscow, 117198, Russian Federation
e-mail: 1042215269@pfur.ru
ORCID 0000-0001-9713-3325